

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С97

Компьютерный дизайн обложки *Екатерины Фerez*

Иллюстрации по тексту художников
Виктории Лебедевой и Анастасии Орловой

Слава Сэ.
С97 Сантехник. Твоё моё колено / Слава Сэ. —
Москва : Издательство АСТ, 2020. — 256 с. —
(Эксклюзивная новая классика).

ISBN 978-5-17-120444-0

Слава Сэ — постмодернист. Он переосмысливает штампы и отвергает пафос. Трагедии и ругань под запретом. Любое событие его мира лишь повод для иронии и чаепития. Малиновое варенье, кот на подоконнике — вот основа мироздания.

Его книги разбирают на цитаты:

...Кто выбросит ёлку в январе, тот параноик.

Решительный хозяин сушит ель до образования хрустящей корочки.

Слабое зрение улучшает мир.

Горизонт становится ближе, женщины — красивее, а квартира — чище.

Известны семьсот видов женских слёз.

И на всё это великолепие мужчина реагирует единственной фразой «Ну чё ты, Катя».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-120444-0

© Слава Сэ
© ООО «Издательство АСТ», 2020

подушка, одеяло и кот Федосей породы татарская овчарка. Животное притворяется дохлым в надежде переехать на помойку. Там-то уж можно будет спать сколько влезет. Но Маше одиннадцать, её не проведёшь просто так, свесив лапы. Она укладывается рядом, возится, пыхтит, задаёт триста вопросов и рассказывает новости.

Ляля не может спать, если за стеной разговаривают. Она тоже приходит, темноволосая, худая, очень сердитая. Ей семь лет. Лялю возмущает семья, которая валяется в родительской постели без неё. Будто она изгой, оторви да брось. Никто даже не позвал. Но Ляля готова всех простить, если её пустят в середину. Девочки лупят друг друга подушками и мучают скотину. Значит, уже не проспим, можно закрыть глаза на секундочку. Собственно, я не собираюсь спать, только дождусь, пока давление в глазных яблоках сравняется с атмосферным. Минутная стрелка сразу прыгает вперёд на половину циферблата. Наш будильник, как вы поняли, просто кладёшь под постель. Тут в дом приходит последний персонаж майского утра — паника.

Одеваются дети с ничтожной, почти отрицательной скоростью. Давно надо выехать, но завтрак не съеден, портфели не собраны, косы не заплетены. И это редкий случай, когда мне лысому завидуют волосатые девочки.

В машине Ляля просит выдать один лат двадцать сантимов в счёт будущих учебных побед. Этого хватит на суп и шоколад. Маша доросла до огромных трат. Ей нужны шницель, какао, театр и злобная

репетиторша по немецкому языку. За десять латов в день она уважает меня как отца и как личность. Момент выдачи денег кажется наилучшим, чтобы интересоваться уроками. Ляля снова возмущена. В первом классе вообще не задают. Я уточняю на всякий случай:

— А ты в каком?

Она говорит:

— В первом, разумеется!

Маша бурчит ругательства на немецком языке, которого я не понимаю. Потом выхватывает из ниоткуда лист с синими каракулями. Очень эффектно, как Копперфильд. С её слов, так выглядит домашняя работа по литературе. Мне кажется, я уже видел эту клинопись раньше. Но Маша клянётся, работа свежая. Никто не разбирает её кракозябры, поэтому и спорить невозможно.

Мы едем в школу, город пуст.

— Потому что воскресенье, — вспоминает Маша. Разворачиваемся, настроение ухудшилось. Вернуться и доспать нельзя, по воскресеньям дети необузданны. Лучше всего поехать в Юрмалу. У нас прекрасный климат. Триста дней в году дождь, в остальном — сплошное солнце. Вероятность хорошей погоды 15%. В Юрмале простор, море, ионы йода. К тому же можно поручить девочкам прорыть тоннель до Новой Зеландии и получить таким образом семнадцать минут для сна в кустах.

Собираем пляжные принадлежности. Корзина для пикников огромна. Это настоящая кибитка с ручками. Дети складывают в неё всё, кроме пустой

мебели. Они готовы взять и мебель, но не могут поднять. Хула-хуп тоже не лезет, мы выгружаем хула-хуп. Пользуясь девичьей рассеянностью, я оставляю также зонт, два мяча, свитер, фонарик и шахматы.

Весёлые и нарядные, мы идём в аптеку. Нужен бальзам от солнца. В вопросах загара мы страшные оптимисты. В аптеке бальзама нет, есть шоколад. Чтобы оттирать его со щёк и пальцев, нужны будут влажные салфетки. Их тоже нет, есть туалетная бумага, восемь рулонов. По одному их продавать невозможно, говорит строгая тётя. «Гигиены много не бывает», — думаю я, прижимая рулоны к груди.

В юности я посещал пляж налегке и в дерзких шортах. Там был огромный выбор сырокопчёных женщин. Они медленно вращались, подставляя зрителям свои лучшие стороны. Я выбирал худых и непрактичных, чтобы вместе потом ненавидеть быт. Теперь быт ненавидит меня. На моей кухне коллекция ёршиков, тряпочки для разных видов грязи, три швабры и пылесос с турбиной, великий кошачий ужас. Я умею красными трусами перекрасить простыни в розовый цвет. Я разработал семь способов скормить детям луковый суп как суп без лука. У меня даже уют где-то был. И на пляж я выхожу как грузовой цыганский конь, с кибиткой и упаковкой туалетной бумаги в зубах. Загорающие переживают насчёт моих намерений.

Начинается активный отдых: мы два часа спим в дюнах, завернувшись в простыню. Мы рано встали и не хотим бадминтона. Замёрзнув как следует — ухо-

дим. И бумагу уносим непочатой, на радость пляжу. Обедать в такой день нужно непременно шашлыком в армянском ресторане. Мясо без гарнира из любого понедельника сделает субботу. А уж из воскресенья и подавно.

Разводиться было страшно. Казалось, этот быт, эти дети — всё обвалится, накроет и погребёт. Но год прошёл, небо не рухнуло. Я выучил телефон домоуправления и ишу макароны со скидкой. Купил танк с антенной и жужжу им по квартире. И железную дорогу завёл площадью в полторы кухни. И наконец-то съел три эклера подряд, как обещал себе в детстве. Уже в этой жизни я могу спать днём, НЕ ездить в путешествия, смотреть Евроспорт и банки не мыть, а сразу выбрасывать. Могу путать дни недели, покупать ненужные вещи, чистые детские трусы разыгрывать в лотерею. Я приобрёл велотренажёр и отлично похудел, пока ташил его наверх. Теперь это нужное устройство висится в гостиной, как статуя личной моей Свободы. И никто не скажет, что деньги потрачены зря. Наоборот, все рады и ссорятся за право крутить педали. Маленькая Ляля сожгла три калории из тех пяти, что в ней были.

Когда в кровати ворочается одна и та же женщина, это хорошо. Не помню чем, но я был доволен. Мне нравилось наблюдать, как лохматая и недовольная с утра жена становится ухоженной и милой уже к вечеру. Или не очень милой. Всякое бывало. Год прошёл, жизнь колосится. И дай нам Боже не скучать о тех, кто нас не любит.

Всё не так

Сначала женщины бросают в шутку:

— Я с тобою разведусь!

Будто пробуют боль на зуб. Потом представляют, как хлопнут дверью и как загомонят подруги. Иногда даже плачут для тренировки. К минуте развода у них уже всё готово: чемодан, временное жильё, мокрые слёзы, идеальный баланс лжи и правды в показаниях. Даже ракетчики не готовятся к войне так тщательно.

Мужчины легкомысленней. Они не помнят, что женаты, пока не возникает этот странный повод — второй раз в ЗАГС. Потом, очень неожиданно вдруг пустеет шкаф, кастрюли пропали и очередь в ванную отменена. И некого спросить, чем закончилось у Варьки с новым хахалем. Это как проснуться ночью на троллейбусной остановке в каком-нибудь Гомеле. Без сердца, без памяти, без жилья и самооценки, с одним лишь предписанием на алименты. Неудивительно, что женщины любят свадьбы, а у парней от этого слова шерсть на загривке топорщится.

В 2009 году случилась эпидемия разводов. Пострадали десятки отличных, ни в чём не виноватых мужчин. Без повода и предварительных провокаций жёны стали уходить. Раньше для ощущения новизны им хватало перестановки мебели, но в тот год непременно хотелось рвать пуповины. У одного моего знакомо-

го после развода выросли коричневые круги вокруг глаз. Его печень не выносила расставаний. Второй исхудал и даже снимался в рекламе диеты наравне с анорексичками. Третий спрашивал «за что?» так часто, что отучил звонить родную мать. Четвёртый женился на форменной бабе-яге. Ему нравилась особенная верность этой необычной женщины. В обмен на преданность он мог не замечать ни клюку её, ни ступу.

И только я оказался скалой. Уход жены ничто во мне не изменил. Я даже съездил на рыбалку, настолько было всё равно. Рыбы не поймал, но хорошо поговорил с дождевым червяком.

— Какой во мне смысл? — спрашивал я у животного. — Почему не ты, гармоничное творение, насаживаешь меня на крючок?

И круги вокруг моих глаз были не коричневыми, а фиолетовыми, это модный цвет.

Разводились молча. Худшего партнёра быть не может, поняла однажды Люся. Живая вода путешествий, знакомств, отдыха с континентальным завтраком не могла к ней пробиться — таким лежащим камнем оказался я в её судьбе. Подруги находили смысл жизни в бутиках северной Италии, на пляжах Индийского океана и в джунглях Коста-Рики. Их существование имело резон. А Люся напрасно блуждала в темноте брачных отношений. Юность миновала, а она мало что приобрела и нигде почти не отдохнула.

Я бы и рад купить ей счастье. Но её представления о достойном бытии развивались быстрее моих дохо-

дов. Всё рухнуло, когда её подруга попала в плен любовного параллелограмма. Или даже параллелепипеда. Её муж завёл подружку. Чтобы любовь и антилюбовь не аннигилировали при случайной встрече, муж купил жене домик в Лигурии. Мужу повезло с профессией, он работал банкиром. Именно в Италии, общественный транспорт в нужной степени нерегулярен, и жена нипочём не придет орать глупости о любви и предательстве, считал муж.

— Боже, как унижительно! — заплакала женщина, осмотрев небольшую итальянскую гостиную, спальню, садик и гараж с нескромной «лянчей». Это невыносимо, когда от тебя откупаются видом на залив. Будто настоящую любовь можно измерить деньгами и виллами. Десять лет она считала этого мерзавца своим собственным. Почти уже начала ему доверять. И такая благодарность.

— Он прямо швырнул в меня и дом этот, и машину! Как он мог! — причитала женщина, тряся ключами от счастья.

Между тем муж развернулся всем своим банком в сторону любовницы. Это было невыносимо. Жена заказала обратный билет. Она уже представила, что ему скажет и какое выразительное наденет для такого случая платье. Но вдруг сама познакомилась с приятным итальянцем. Он был молод, кудряв и настоящий пацифист. Самыми важными вещами в жизни он считал солнце, море и тихий вечер в ресторане рядом с немолодой уже, мудрой женщиной. Очень позитивный парень. Под властью его миролюбия жена банкира приняла жизнь такой, какая выпала на долю. Со всеми недостатками, вытекающими из состояния

мерзавца-мужа. Живёт теперь в Лигурии, смиренная и непритязательная.

Люся тоже хотела бы смириться и прощать, наблюдая закат из шезлонга над мысом Кап-Ферра. Но я, вместо понимания и помощи, назвал жену банкира шлюхой. Стыдно любить за деньги, сказал я. У меня, например, никогда не было таких женщин.

— Потому что у тебя никогда не было денег! — парировала Люся.

Она неприятно находчива в спорах. Даже странно, добавила она, что с моей зарплатой я до сих пор не живу в коробке из-под телевизора. Я нищеврод. А Люся сгубила себя, поскольку дура, безразличная к нищете. Когда-нибудь я пойму, какое счастье упустил. Сама же она не ждёт благодарности, и терпение её лопнуло.

— Прощай, козёл! — сказала она и хлопнула дверью.

Нищеврод — это очень обидно. Я зарабатывал, как две воспитательницы детского сада. Или как половина нейрохирурга. На беду, Люся получала как целый нейрохирург. Когда мы только сходились, всё было иначе. Я гонял на «мерседесе», служил маркетологом. Она же читала новости на радио за «спасибо». А иногда и без него. Знала расписание трамваев и сама себе пилила педикюр. Наверное, слишком снисходительная была у меня рожа, когда я, так и быть, на ней женился. Гордыня — страшный грех. Не прошло и года, дельтаплан моего успеха рухнул и застрял в переплетении водопроводных и канализа-

ционных труб. Я стал сантехником. Страшный удар для Люси. Сама она нипочём бы не вышла за водопроводчика. Только путём коварных интриг и предательства так вышло.

Когда выяснилось, что я наяву хожу по району в сапогах и с огромным разводным ключом — Люся напилась. От отчаяния и горя. У неё на работе была корпоративная вечеринка. Шеф устроил алкоголический конкурс. Люся приняла вызов и даже почти победила. За секунду до триумфа она сдалась и упала в крепкие директорские руки. Через минуту он и сам рухнул в объятия подхалимов. Все сотрудники в тот вечер струсили. Только Люсе нечего было терять. К тому же она занималась спортом и презирала опасность. На следующий день стала начальником смены. Через месяц — руководителем отдела светских новостей. К минуте нашего развода достигла абсолютной вершины радиобизнеса, сделалась программным директором с правом звонить Хозяину в любое время суток. Также она может обращаться к нему на «ты».

Конечно, я ей не пара. Я могу в любое время суток называть на «ты» кого угодно и стучать ночью кувалдой по трубе. Эти широкие привилегии не очень престижны, к сожалению. И в гороскопе моём сплошные ретроградные Сатурны. Астрология — чушь, но скажите это моим финансовым показателям. Они, показатели, упорно тащат меня к коробке из-под телевизора. У них своё мнение.

В общем, развелись. Люсю теперь видят в провинции и в метрополии в компании богатых рабовладель-

цев. Она и сама много работает, детей берёт на выходные.

Я же завёл страничку в интернете, полную дурных предчувствий. Пишу про любовь и страдания. И про женские ноги, такие теперь недостижимые. Трижды смотрел сайт продажных женщин, приценивался. Но пойти на контакт не решился. Не знаю, мои знакомые как-то с кем-то знакомятся. И даже занимаются потом настоящим сексом, с раздеванием и прочими милыми штучками. Мне же снятся спящие красавицы. Будто я лежу рядом и боюсь её разбудить. Просто тарашусь всю ночь.

В России убогим быть выгодней, чем счастливым. Мои эссе горьки от тестостерона и одиночества. Их читают неспешные женщины, похожие на осенних бабочек. У женщин огромные сердца и своя жилплощадь. Многие пишут нежные письма, жалеют меня, зовут в гости на котлеты и пожить недельку. Я никому не отвечаю. Боюсь встретиться и увидеть разочарование в их глазах.

Покупая молоко и хлеб, я тайком рассмотрел кассиршу. В нашем супермаркете есть одна такая, ничего. В молодости была совсем красивой. А сейчас немножко обвисла, опечалилась, судя по фигуре, любит пиво и, в целом, принадлежит к моему биологическому виду. Самочка нищеврода. Ей бы понравилась жизнь в хрущёвке с выходными в парке. Она не подозревает, что в Барселоне строят Саграда Фамилия и не стремится непременно увидеть это царапающее глаз нагромождение. Возможно даже, она боится путешествовать в такую даль. Мы могли бы